

идеологии и ее adeptов перед лицом всего разнообразия идей и отсутствие в русском обществе традиций терпимости к такому идейному противостоянию усиливали напряженность в обществе.

Примечания

- 1 Миллюков П.Н. Воспоминания: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 231.
- 2 Глинский Б.Б. Материалы к биографии // Исторический вестник. 1907. №. 4. С. 268.
- 3 Цит по: Пешиков А. И. «Мал – кто разорвет во царствии Христовом» // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 4.
- 4 См.: Тверской П.А. Из деловой переписки с К.П. Победоносцевым. 1900–1904 // Вестник Европы. 1907. Кн. 12. С. 654.
- 5 Факт этот неоднократно отмечался современниками обер-прокурора, в том числе и нерасположенными к нему лично. Так, например француз Е.М. Вогюэ отмечал исключительную начитанность Победоносцева. См.: *Vogue E.M. Les route.* P., 1910. P. 136.
- 6 Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. М., 1955–1956. Т. 2 – 3. С. 109.
- 7 Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1991. С. 138.
- 8 Цит. по: Эвенчик С.Л. К.П. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенный период // Учен. записки МГПИ им. В.И. Ленина. 1969. № 309. С. 95.
- 9 Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 182.
- 10 Цит. по: Эвенчик С. Л. Указ. соч. С. 95.
- 11 Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 42.
- 12 Там же. С. 164.
- 13 Там же.
- 14 Там же. 166.
- 15 Глинский Б.Б. Указ. соч. С. 272.
- 16 Ведерников В.В. «Московский сборник» К.П. Победоносцева и кризис идеологии пореформенного самодержавия // Вестн. ВолГУ. 1996. Сер. 4. История. Философия. С. 43.
- 17 Победоносцев хорошо знал И. И. Лажечникова, переписывался с писателем. В марте 1869 г. Лажечников

благодарил Победоносцева за «доставленный Рескрипт Государя Наследника Цесаревича». (РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 89. Л. 1).

- 18 Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 166.
- 19 Там же. С. 167.
- 20 Там же. С. 168.
- 21 Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия / Сост. Ю. Б. Соловьев // Археографический сборник за 1972 г. М., 1974. С. 316.
- 22 См.: Ключевский В. О. Литературные портреты. М., 1990. С. 442.
- 23 Китаев В. А. От фронды к охранительству. (Из истории русской либеральной мысли). М., 1972. С. 131.
- 24 Начало царствования Николая II и роль Победоносцева... С. 317.
- 25 Там же.
- 26 Там же. С. 318.
- 27 Там же. С. 316.
- 28 Фирсов С. Л. Человек во времени: штрихи к портрету Константина Петровича Победоносцева // Победоносцев: Pro et Contra. СПб., 1996. С. 21.
- 29 Начало царствования Николая II и роль Победоносцева... С. 317.
- 30 Победоносцев К. П. Указ. соч. С. 282.
- 31 Победоносцев блестяще знал английскую литературу, которую читал в оригинале. По воспоминаниям Вогюэ, обер-прокурор особенно любил английских поэтов Шелли, Суинберна, Бродинга. См.: *Vogue E. M. Op. cit.* P. 136.
- 32 Победоносцев К. П. Указ. соч. С. 294.
- 33 Там же.
- 34 Там же. С. 295.
- 35 Там же.
- 36 Там же. С. 286.
- 37 Там же. С. 279.
- 38 Там же. С. 285.
- 39 Там же. С. 183.
- 40 Там же. С. 264.
- 41 К. П. Победоносцев в письмах к друзьям / Сост. О.Е. Майорова // Новый мир. 1989. № 3. С. 281.

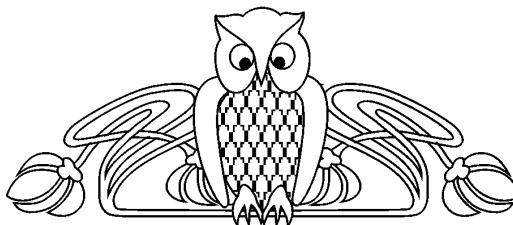
УДК 94(47). 082/083 + 929 Урусов

ССЫЛЬНЫЙ АДВОКАТ А.И. УРУСОВ

А.В. Степанова

Саратовский государственный технический университет
E-mail: angelaalmas@mail.ru

В статье рассматриваются малоизвестные факты из жизни знаменитого русского адвоката А.И. Урусова, который прославился на процессе по делу о тайной террористической организации, подвергся гонениям власти и долгое время не мог вернуться к профессиональной деятельности. Исследование основано на большом количестве архивных данных.

Ключевые слова: адвокат, самодержавие, право, революционеры, суд, наказание, профессиональная деятельность.

The Lawyer in the Reference A.I. Urusov

A.V. Stepanova

Scientific research about well-known Russian lawyer A.I. Urusov. Urusov has become famous as the lawyer protecting participants of

the secret terrorist organisation. For support of revolutionaries was exposed to prosecutions. The power forbade it to conduct professional work. In article severe methods of prosecution are shown by Russian autocracy of oppositionists. Long time was in exile, but has not surrendered. In research it is a lot of contemporary records.

Key words: the lawyer, autocracy, the right, revolutionaries, court, punishment, professional work.

Столичная знаменитость, титулованный дворянин голубых кровей, родственник самого канцлера Горчакова, известный театральный критик, талантливый адвокат, непревзойденный оратор, неординарная личность, просто персона *non grata* – и все это закончилось в один миг. Князь А.И. Урусов 2 октября 1872 г. был арестован и изгнан из столицы. Впереди запрет на все: на свободу, на адвокатскую деятельность, на общественную деятельность, на сохранение здоровья – одним словом, запрет на жизнь.

Безусловно, главную роль в аресте и высылке Урусова сыграло «нечаевское дело». Для правительства было принципиально важным «правильное» решение этого важного государственного дела. За процессом внимательно следил Александр II. Власть рассматривала любые попытки оправдать, либо защитить государственных преступников, уличенных в уголовном преступлении, как оскорбление лично самодержцу. Александр Иванович на свою беду слишком интересовался теми, кто хотя бы косвенно был причастен к этому делу.

Появление Александра Ивановича Урусова в Швейцарии совпало со временем переговоров российских и швейцарских властей о выдаче С.Г. Нечаева. Опрометчивый поступок Урусова, если он был, не мог пройти незамеченным. Но это был не единственный вольнодумный поступок либерального адвоката, озлобивший власть¹.

Сослали опального адвоката в Лифляндскую губернию, в захолустный Венден. Более того, оговаривалось, что «корреспонденция князя Урусова должна быть... под надзором полиции подвергнута просмотру»². На полях рукой Александра II было высочайше начертано: «Надеюсь, что надзор за ним будет действительный»³. Столь сурово аристократа с такими связями (родственник самого князя А.М. Горчакова) наказали за совокупность непрерывно провоцирующих власти и рассчитанных на публичность поступков.

Любопытна дневниковая заметка князя В.М. Голицына⁴ по поводу ареста Урусова. «Разлился слух об аресте адвоката Урусова, арест... связан с нечаевским делом. Я никогда особенно не верил этому делу... Серьезно относиться к проповедуемым нечаевцами... утопиям едва ли возможно какому бы то ни было образованному человеку. Утопии эти не в силах выявить какие-либо сочувствия... слишком безумно, чтобы затронуть какие-либо стороны жизни. Нечаевское дело, раздутое до размеров демонической демонстрации, не представляло собой борьбу какой-либо идеи против другой...»⁵

Итак – Венден... Страшная для пошатнувшегося здоровья А.И. Урусова ссылка. Сахарный диабет провоцировал прогрессирующую глухоту и сильную близорукость, болезнь сердца, поражение центральных нервных окончаний, с сильнейшими болями и конвульсиями, которые снимались лишь морфием и отразились на опорно-двигательной системе. Позднее сам Александр Иванович так определял свое состояние: «Умерли... уже три вещи: звук, свободное перемещение в пространстве и вкус»⁶. Для такого активного, деятельного и трудолюбивого человека это было равносильно гибели. Урусов был лишен права трудоустройства, ему запретили вести адвокатскую деятельность. Он оказался в полной духовной и культурной изоляции, а самое страшное для него – забвение. Нет новых экстравагантных и вызывающих возмущение властей и восхищение публики подвигов, нет новых громких дел – нет и адвоката.

Любопытно, что до ареста все знакомые Урусова были уверены в его богатстве, так как легенды о баснословных гонорах присяжного поверенного не давали покоя прессе. Между тем, когда состоялся арест, оказалось, что деньги, нужные на дорогу и проживание в Вендене, ничтожно малы, учитывая, что срок ссылки был неизвестен: лишь 5 тыс. руб. Это все, что было на тот момент у князя.

Очень тяжело переживая ссылку, Александр Иванович страдал еще и без семьи, родных и близких. Терзаемый невралгией, подвижный и эмоциональный, он более всего мучался тем, что не знал, куда приложить свои таланты. Урусов перевез в Венден библиотеку, оборудовал минилабораторию и стал изучать химию, увлекся естественными науками. Родные, особенно мать, делали все возможное, чтобы вызволить Александр Иванович из изгнания. «Девушка замечательной красоты нерусского происхождения, без приданого и без определенного общественного положения, никогда не умевшая разделить с ним его умственных интересов <...>»⁷ рвалась с месячным ребенком к мужу в ссылку⁸, чтобы быть надежной опорой в трудный час этому светскому льву. Стоит отдать должное женщине, «сумевшей навсегда удержать его привязанность добрыми свойствами души и характера»⁹.

Как ни храбрился князь Урусов в ссылке, посылая письма, полные возмущения администрацией и полицией, зная, что корреспонденция вскрывалась, он усугублял свое положение и затруднял ходатайства за него родственников. Более того, было стремление власти просматривать бумаги и корреспонденцию жены Александра Ивановича. По мнению органов надзора, бывший адвокат мог воспользоваться неприкосновенностью корреспонденции Марии-Анны и передать ей преступную информацию¹⁰. Но все же до тотального контроля дело не дошло: «Я не признаю возможным подвергать просмотру корреспонденцию лица, имеющего прибыть в г. Венден для совместного

с кн. Урусовым сожительства...», – констатировал жандарм. Вместе с тем за супругой опального адвоката настоятельно рекомендовали «установить совершенно секретное наблюдение»¹¹.

Между тем прогрессирующая болезнь, культурная изоляция, невообразимая тоска делали свое дело. 7 марта 1873 г. лечащий врач Урусова, в течение пяти месяцев наблюдавший пациента, засвидетельствовал болезненное состояние организма Александра Ивановича вплоть до конвульсий. Прописанные ссыльному средства не помогали. После усиленных хлопот матери¹² просьба о переводе его по болезни из Вендена в Ригу, к великому счастью, была удовлетворена 20 марта 1873 г., но «с продолжением как за ним так и его корреспонденцией строгого надзора»¹³. Переезд, столь ожидаемый и необходимый, задержался в связи с ухудшением здоровья. В июле 1873 г., находясь уже в Риге, Урусов просил разрешения у губернатора Лифляндии о дозволении на время купального сезона по настоянию врача отправиться на лечение под Ригу. К радости, его разрешение было получено¹⁴.

В Риге Урусов вздохнул «свободнее», насколько это вообще было возможно в его положении. Тут был театр, записным посетителем которого и рецензентом в русской газете не мог не сделаться князь. Блестяще владея немецким языком, он сотрудничал и с немецкими газетами, был завсегдатаем в шахматном клубе в популярном обществе немецких баронов, к которым принадлежал по родственным связям; был вхож в знатные семейства и оставил веселую память о вольном нраве русского князя в бюргерских кругах Риги.

Несмотря ни на что, князь А.И. Урусов остался прежним. Молодость, энергия, вольный нрав и неумная натура брали свое, а после «заточения» это проявилось еще резче. Словно он подкопил сил и наверстывал упущенное время. И это незамедлительно сказалось. Стараясь найти максимальное применение кипучей энергии, Александр Иванович участвовал во всех общественных делах. Когда в России разразился голод, он затеял сбор пожертвований и создание комитета в помощь самарским голодающим. Для этой цели в ноябре 1873 г. было составлено воззвание на трех языках: немецком, латышском и русском, где не было ни единого крамольного выражения. В воззвании был перечислен список лиц, внесших пожертвования, среди которых были и лица, облеченные высшей властью в губернии, а в конце скромно без титулов и званий стояла подпись: А. Урусов¹⁵. Воззвание стало поводом для новой ссылки князя в г. Венден¹⁶. В высшей степени замечательно и с точки зрения «бдительности», и с точки зрения полицейского авторитета своеобразное внушение и наставление на «путь истинный», которое сделал самому губернатору края полицмейстер: «В разосланном особыми листами воззвании заметно сопоставление таких имен, как Вашего превосходительства и состоящего под надзором

полицейского князя Урусова. Принимая во внимание, что самый надзор за князем Урусовым подчиняется непосредственно Вашему превосходительству, как представителю правительствующей власти и что допущение его к общественной деятельности, хотя бы в таком деле, как организация благотворительности, делает этот надзор в глазах публики как бы недействительным, я считаю необходимым обратить внимание Вашего превосходительства на крайнюю неуместность допущения с вашей стороны подобного рода гласной деятельности лица, состоящего под надзором»¹⁷.

Е.А. Пушкин указал еще на один факт, напомнивший власти о «либерализме» ссыльного адвоката. При обыске у одного неблагонадежного студента (впоследствии он имел богатый «послужной» революционный список), показавшегося и прощенного, нашли завещание Александра Ивановича Урусова, написанное в 1870 г. Суть завещания довольно вызывающая, если не сказать нигилистическая: 1) он объявлял себя не верующим в Бога; 2) требовал не делать ему похорон; 3) требовал поставить ему памятник, на котором должно быть написано: «Да здравствует свобода»; 4) завещал своему другу Н. (возможно, Никольскому. – А. С.) портрет горячо любимого А.И. Герцена и 1000 руб. редакции журнала для премии за лучшую работу о первой французской революции, «написанной не в ретроградском духе»¹⁸.

Ссылка по состоянию здоровья Александра Ивановича не была продолжительной. «Переведенный из Риги в г. Венден князь Александр Урусов находится... в болезненном состоянии, требующем особого лечения электричеством, что в г. Вендене невозможно», – констатировал лечащий врач¹⁹. В январе 1874 г. Урусов вернулся в Ригу.

Вторая ссылка была очень тяжелой, просительные письма Александра Ивановича к шефу жандармов гр. П.А. Шувалову²⁰, написанные в верноподданническом тоне, не помогли. Лишь обращения матери Урусова к венценосцу смягчили положение ссыльного. В феврале 1875 г. кн. Урусов подал ходатайство о помиловании на имя нового шефа жандармов А.Л. Потапова²¹. В этом послании, в частности, говорилось: «Ваше Высокопревосходительство! Каково бы ни было <мнение>, которое составилось обо мне, я взываю к вашему чувству человечности и справедливости: не искупил ли я несколько теоретических заблуждений и юношеской заносчивости годами безмолвной ссылки, томительного бездействия и совершенного разорения? Не наступила ли возможность, на основании данных, добытых столь тщательным надзором, предоставить мне вновь право состояния, дабы я мог не словами, а на деле доказать, что я воспользовался уроками жизни и изменился к лучшему?»²². Позднее Урусов написал еще одно письмо с просьбой «даровать... прощение» и уверением «в... глубоко, искреннем раскаянии». Письмо было приурочено ко дню празднования вступления

на престол императора²³. Но просьба была отклонена. Лишь в мае 1875 г. Урусову позволили поступить на государственную службу. В архиве сохранилась справка следующего содержания: «Генерал-губернатор, получив Высочайшее распоряжение о поступлении кн<язя> Урусова на службу, сделал распоряжение об освобождении от политического надзора»²⁴. 1 июля 1875 г. кн. Урусов поступил на службу старшим помощником секретаря канцелярии Лифляндского и Курляндского генерал-губернатора князя П.Р. Багратиона²⁵ по рекомендации попечителя Рижского учебного округа А.А. Сабурова²⁶. Однако вскоре – 21 марта 1876 г.²⁷ – по случаю упразднения Прибалтийского генерал-губернаторства²⁸ Александр Иванович остался за штатом. 27 мая того же года министром юстиции К.И. Паленом кн. Урусов был назначен товарищем прокурора Варшавского окружного суда. 15 июня 1876 г. он приступил к своим обязанностям²⁹.

Трудно сказать, обрадовался ли этому назначению А. И. Урусов, но, безусловно, отрадным был для него факт обретения свободы, поскольку с поступлением на государственную службу с него был снят полицейский надзор. Кроме того, новая должность вселяла надежду на скорое возвращение в центр России. Увы, этим чаяниям не суждено было сбыться! Стремление получить разрешение посетить Санкт-Петербург свидетельствует о страстном желании Урусова если не вернуться, то хотя бы прикоснуться к прежней вольной жизни. Однако князю было сухо отказано со словами, что в течение 15-ти дней он получит распоряжения и не стоит совершать столь дальнего путешествия³⁰.

Этот период можно считать переломным в профессиональной деятельности Урусова. Прокурорская работа в продолжении 5-ти лет повлияла и на его жизненные взгляды и, если не изменила их коренным образом, то существенно сместила акценты. «Вернулся он без прежних иллюзий: и ссылка, и государственная служба значительно усилили природный скептицизм его и воспитали политический индифферентизм...»³¹, – вспоминала А.А. Андреева. Те, кто знал Александра Ивановича до 1872 г., а затем общались с ним после ссылки, видели явные перемены: сколь в характере его прибавилось мягкости, терпимости и добродушия, столько же исчезло задора, веселости и беззаботности. Сам Урусов так объяснял свою перемену: «Посылаю вам карточку, чтобы Вы могли видеть, что я переменяю кожу, как змея, которой я должен – хоть и позднечко! – подражать в мудрости. Это легко, пока не приходится ползать. Быть может, змеи оттого и мудры, что ползают на животе. Нам это трудно»³².

Находиться в польском крае русскому князю было небезопасно. «Настроение здесь к нам... вообще враждебное. Писал ли я Вам, какое анонимное письмо с угрозами я получил из Львова? здесь эти шутки – обещания убийства – в большом ходу»³³. Как со стороны польских

националистов, так и русских псевдопатриотов отношение к Урусову было подозрительным: этот князь, этот пришелец, какие идеи исповедует, как вписывается в новое для него общество, на каких позициях стоит? А он был европеец и по духу и по образованию, ценил индивидуальность характера и талант, «придавал большое значение влиянию ремесла, профессии, быта, не меньше, чем наследственности или расе»³⁴. Космополит, он талантливо доказывал право быть «своим среди чужих», так как приветствовал и исповедовал общечеловеческие ценности. Такие люди всегда вызывали недоверие у псевдопатриотов административного пошиба.

Урусов, находясь в польском крае, «не перешел в тот лагерь торжествующего цинического оппортунизма и не заразился теми “патриотическими” веяниями, которые несли с собой расовую нетерпимость, лакейское подобострастие»³⁵. Александр Иванович имел не только редкое мужество своего мнения, но и мужество не бояться и не стыдиться своих предпочтений и симпатий. Он стал прокурором, продолжая оставаться в сфере правосудия. Как ни парадоксально, но и здесь он нашел применение своим ораторским талантам. Можно сказать, что этому способствовало отсутствие у князя всяких национальных предрассудков, чему свидетельством была вся его дальнейшая деятельность. Видимо, понимая, что спрятать, разрушить, либо уничтожить талант невозможно, власть согласилась на применение его в своих интересах: «Местное начальство <...> смотрело на его службу в [собственных] интересах» и «под своим контролем»³⁶.

Урусова, как переведенного «в разряд управляющихся» по уставу о ссылных, не «обременяли» серьезными делами³⁷. Самый яркий эпизод, можно сказать, дебют в прокурорской работе, связан с обвинением в убийстве профессора Гирштовта. Речь Урусова произвела фурор, стало ясно, что талант оратора не погиб и в столь сложный период переживает новый расцвет. О князе вновь заговорили критики, как истинные ценители красоты формы слова, так и недоброжелатели. Урусов вновь был в своей стихии, хотя его положение, безусловно, изменилась. Прокурор – это обвинитель, это государственная должность, здесь нет возможности эпатировать публику, а следовательно, победа профессионально значима и ценна. «Коронный суд... все-таки, всегда стесняет полет мысли и слова сторон. Из-за почтенного облика труженика, судьи, заваленного ежедневной деловой работой, всегда невольно виднеется “дьяк в приказе посеведевший”, и этот образ налагает свою руку на вдохновение, на блеск красок и игру ума»³⁸.

Деятельность в качестве прокурора, безусловно, изменила князя Урусова, его правовое развитие сильно продвинулось, что отразилось в блестящих победах. Появилось мнение, что Урусов нашел себя в новом призвании, а адвокатура была прихо-

тью строптивой натуры, бравадой молодости. Эти выводы основаны на письмах пессимистического периода жизни князя. «... Я всегда с некоторой брезгливостью относился к торгашескому элементу в адвокатуре. Я искал в ней идеальные цели и в этих поисках нередко заблуждался и наткнулся на пни или попадал в дебри <...>. И, теперь, вышедши из сферы, где многие торгуют словами, я как-то внутренне ежусь, как-то коробит меня при мысли о возвращении в оную, но я не могу не признать, что государственная служба хороша или для людей обеспеченных, или при особо счастливых условиях. Будь я материально обеспечен, знай, я, что могу умереть спокойно, оставив семье безбедное существование, я с радостью служил бы в судебном ведомстве ...»³⁹

Это письмо написано в марте 1877 г., когда Урусов уже почти год не по собственному желанию был исключен из той стихии, где чувствовал себя как рыба в воде, на неприметный берег периферийной прокуратуры. Как говорилось, выбором адвокатской профессии не были довольны его родные, готовившие ему «более благородное» для родовитой особы занятие, – дипломатию. И выбор профессии защитника был осознанно сделан самим Александром Ивановичем без всякого давления извне. А прокуратура – это та спасительная соломинка, за которую он так радостно ухватился, но цену ей и в момент эйфории ощущал всегда: «... во мне крепнет любовь к делу и деловое отношение к нему. Не надоело ли это и не является ли тут пресыщение – не знаю. Но теперь я чувствую, что перевес “достоинства” и важности защищаемых интересов на стороне государственного обвинения. Оно втрое, иногда вдесятеро труднее защиты, следящей и гарцующей на легконом скакуне “сомнения”»⁴⁰.

Достаточно скоро Урусов испытал разочарование и пресыщение. Опасаясь ярких и эмоциональных выпадов и заключений бывшего адвоката, власть ограничила доступ в руки Урусова крупных и в профессиональном отношении интересных дел. Это вызвало у князя новый всплеск меланхолии и пессимизма. «... Болезнь, бездомность, порабощение способностей и нужда. О будущности своей семьи я уже стараюсь не думать, благодаря тому удивительному легкомыслию, с которым мы, как говорит Ж. де Местр⁴¹, считаем чужую смерть явлением понятным и обыкновенным, а свою – каким-то невероятным событием»⁴². Трудно представить, что такой человек, как Александр Иванович, мог всю жизнь работать ради материального благосостояния, пожертвовав своими способностями. Он знал цену своим талантам и искал им подтверждение в славе. А.И. Урусов был ярким человеком и ярко старался жить. Что же касается материальных благ, то работая почти до последнего дня, «он не оставил после себя крупного состояния – все до чего могут прийти наши талантливые адвокаты, ни серьезного большого труда, а только начала и в

том и в другом деле»⁴³. Вспомним, что в момент ареста и ссылки, в период наивысшего успеха, у него не оказалось приличной суммы для существования. Безусловно, есть весомая доля истины в словах: «... Александр Иванович – прокурор был далеко не то, что он же в роли защитника <...>. Что касается ... прокурорских речей, то они поражали всех своей талантливостью и красотой формы, но не всегда убеждали опытных судей»⁴⁴.

И все же, он любил адвокатуру, потеряв иллюзии, зная, что «часть адвокатов наибольшая, устремилась резвым аллюром за наживою. Часть ушла за кулисы, стала торопливо ковать рубли и ефимки из людской глупости. Часть... познакомилась с местами, куда... “Макар телят не гонял”⁴⁵.. Даже с падением ее общественного значения, никогда не переставал ею интересоваться. Он ... любил в ней и труд, дающий средства к независимости, и привычное занятие, сродное природе его дарований, и возможность быть полезным в этой специальной сфере интересов»⁴⁶. Переведенный с помощью А.Ф. Кони, в январе 1878 г. товарищем прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, и проведя ряд громких дел (Гулак-Артемовской, Юханцева, Августовского и др.), насладившись славой и доказав, что на новом поприще он может быть столь же знаменитым, сколь и на адвокатском, он описывал свое положение так:

В делах казенных, арестантских,
И в уголовных, и в гражданских,
Я с мрачной миною встаю,
И заключения даю.
Стою верблюдом на показ,
Ох, службе я такой не рад.
И даже вид имею серый ...⁴⁷

Много кривотолков вызывала каждая речь Урусова на судебных процессах. Болезненно, но достойно воспринимал это Александр Иванович. У власти он оставался на подозрении. На неоднократные просьбы об отпуске и поездке за границу с целью поправить изрядно пошатнувшееся здоровье он неизменно получал отказы: «... У меня сделался сильный приступ неврастения, и я прокричал..., несмотря на хлорал и впрыскивания морфия. Не знаю от умиротворяющего влияния наркотиков или от жары, но я не умею выразить всего негодования, возбуждаемого во мне начальническим отношением ко мне “отцов-командиров”! Я в их глазах не более как “подчиненный”, которому и болеть то не позволено, не говоря уже о лечении»⁴⁸.

И все же судебное поприще в должности помощника прокурора было узким для адвоката Урусова. С большими трудностями и при посредничестве А.Ф. Кони удалось князю добиться того, что хотя и не изменилась должность, но расширился масштаб его деятельности, когда он осел в северной столице. Здесь «жизнь его существенно поправилась, вплоть до возможности выезжать за границу, причем на длительный срок»⁴⁹. Жалование в 1000 руб., столовых 500 руб., да квартирных

столько же, если не решило всех материальных проблем, то изрядно поправило финансовое положение семьи князя⁵⁰. Возможно, из ссылки в Петербург Александр Иванович вернулся уже узаконив отношения с Марией Юргенс. Вероисповеданию большого значения он не придавал, особенно в своей бурной молодости, будучи большим скептиком по этой части. А Мария-Анна была из мелкой бюргерской семьи, где вера протестантская почиталась столь же благоговейно, как и семейные устои. Думается, если и было венчание, то именно в лютеранской церкви, хотя в формулярных списках значится запись «православного вероисповедания»⁵¹.

Долгое время, несмотря на многочисленные просьбы об отставке и возврате в адвокатуру, Урусов неизменно получал отказы. Министр юстиции гр. Пален в ответ на просьбы Александр Иванович хладнокровно отвечал: «Послужив, успеете еще нажиться»⁵². Лишь в 1881 г. благодаря наступившей в эпоху «диктатуры сердца» М.Т. Лорис-Меликова⁵³ короткой оттепели Урусов добился своего. Этому, возможно, содействовало награждение 1 января 1881 г. орденом Св. Владимира 4-й степени действительно «послужившего» титулярного советника князя А.И. Урусова⁵⁴.

Примечания

- 1 См. подробнее: *Степанова А.В.* Князь А.И. Урусов – личный враг Александра II // *Вопросы истории.* 2008. №11. С. 144–149.
- 2 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 320. Л. 10.
- 3 Там же. Л. 14.
- 4 Голицын В. М. (1847 – 1931) – князь, московский губернатор в (1888 – 1891).
- 5 РГБ РО. Ф. 75. Д. 3 (Дневник князя В. М. Голицына). Кн. 3. С. 69–70. (На этот источник не составлена опись).
- 6 *Урусов А. И.* Письма к сестре // Князь Александр Иванович Урусов (далее – Князь А.И. Урусов): В 3 т. Т. 2–3. С. 157.
- 7 *Андреева А. А.* Князь А. И. Урусов. К характеристике литератора и человека // Там же. С. 435.
- 8 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 320. Л. 16.
- 9 *Андреева А. А.* Указ. соч. С. 435.
- 10 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 320. Л. 16(об.).
- 11 Там же. Л. 19–20.
- 12 Там же. Л. 32.
- 13 Там же. Л. 29, 31; 35.
- 14 Там же.
- 15 РГБ РО. Ф. 311. П. 6. Д. 5. Л. 3.
- 16 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 320. Л. 39.
- 17 Там же. Л. 47. Любопытно, что на одном из экземпляров воззвания рукой Урусова была сделана карандашная надпись: «За это дело я был выслан в Венден» (См.: РГБ РО. Ф. 311. П. 6. Д. 5. Л. 6).
- 18 *Пушкин Е. А.* Воспоминания о князе Урусове // Князь А. И. Урусов. Т. 2–3. С. 108–109.
- 19 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 320. Л. 44.
- 20 П. А. Шувалов (1827–1889) – граф, шеф жандармов и управляющий III отделением (1866–1874).
- 21 А. Л. Потапов (1818–1886) – начальник Штаба корпуса жандармов (1861 – 1864), шеф жандармов и главноуправляющий III отделением (1874 – 1876).
- 22 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 320. Л. 47.
- 23 Там же.
- 24 Там же. Л. 53.
- 25 Багратион П. Р. (1818–1876) – генерал-губернатор Лифляндии и Курляндии.
- 26 Сабуров А. А. (1838–1916) – попечитель Дерптского учебного округа. В 1880–1881 гг. министр народного просвещения.
- 27 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 320. Л. 131(об.).
- 28 Там же. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2307. Л. 130(об.)–131(об.).
- 29 Там же.
- 30 Там же. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 320. Л. 54–55.
- 31 *Андреева А. А.* Указ. соч. С. 467.
- 32 Цит. по: *Андреева А. А.* Указ. соч. С. 466.
- 33 Цит. по: *Кони А. Ф.* Воспоминания о князе А. И. Урусове // Князь А. И. Урусов. Т. 2 – 3. С. 200.
- 34 Цит. по: *Андреева А. А.* Указ. соч. С. 418.
- 35 Там же. С. 469.
- 36 *Кони А. Ф.* Указ. соч. С. 199.
- 37 Там же. С. 199.
- 38 Там же. С. 198.
- 39 Цит. по: *Кони А. Ф.* Указ. соч. С. 199.
- 40 Там же. С. 200.
- 41 Ж. де Местр (1754–1821) – французский религиозный мыслитель.
- 42 Цит. по: *Кони А. Ф.* Указ. соч. С. 202.
- 43 *Кирпичников А. И.* Князь А. И. Урусов // Князь А. И. Урусов. Т. 2–3. С. 126.
- 44 *Пушкин Е. А.* Указ. соч. С. 111.
- 45 РГБ РО. Ф. 311. П. 5. Д. 7. Л. 11–11(об.).
- 46 *Андреева А. А.* Указ. соч. С. 470.
- 47 Цит. по: *Федорова* Вступительная статья. РГБ РО. Ф. 311. Оп. (м. ф.). С. 6.
- 48 Цит. по: *Кони А. Ф.* Указ. соч. С. 202.
- 49 РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2307. Л. 131.
- 50 Там же. Л. 130(об.).
- 51 Там же.
- 52 *Андреева А. А.* Указ. соч. С. 467.
- 53 М. Т. Лорис-Меликов (1825–1888) – граф, генерал-адъютант, в 1880–1881 гг. министр внутренних дел и начальник Верховной распорядительной комиссии.
- 54 РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 1512. Л. 40–41.